

КИРИЛЛ МАЗУРОВ —
ПАНТЕЛЕЙМОН ПОНОМАРЕНКО.
БЕСЕДЫ 1983 года

Записная книжка-ежедневник за 1977 год, изготовленная на московской фабрике Гознака. Красная обложка с золотым тиснением, цветные иллюстрации. Листки календаря с 1 по 14 января отсутствуют. На листе за 17 января Кирилл Трофимович Мазуров сделал запись: “Для заметок (даты календаря не принимать во внимание)”. А далее на 19 листах ежедневника записал свои беседы с Пантелеймоном Пономаренко, состоявшиеся 7 мая и 8 августа 1983 года.

Предлагаем вниманию читателей этот текст бесед бывших первых лиц Советской Белоруссии, примечательный во многих отношениях. Автор записок Кирилл Мазуров предстаёт перед нами как пытливый историк, анализирующий сложные хитросплетения недавнего прошлого и фиксирующий для потомков бесценные свидетельства по истории Беларуси. Как раз завершалась работа над его книгой воспоминаний “Незабываемое”, увидевшей свет в 1984 году в Минске. Воспоминания автор подарил историку Николаю Улащичу. В ответ было получено тёплое письмо: “Дорогой и высокоуважаемый Кирилл Трофимович. Очень благодарен Вам за книгу и за такую хорошую надпись на ней. Чтобы написать такую книгу, надо много пережить и передумать, нужна огромная документация, необходима хорошая память, много чего надо. Написана она сжато, хорошим выразительным языком, без трафаретов”. Эта характеристика применима и к записям бесед с П. Пономаренко.

В тексте К. Мазуров пользовался сокращениями, которые легко раскрываются: П. К. — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (при публикации сокращение сохранено), Хр., Х. — Н. С. Хрущёв, С. — И. В. Сталин, Б. — Л. П. Берия, ПБ — Политбюро. Купюры, сделанные публикаторами, отмечены отточием в квадратных скобках — [...]. Сделанные публикаторами вставки также помещены в квадратных скобках.

Записную книжку в марте 2001 года передала в Национальный архив Республики Беларусь вдова Кирилла Трофимовича Янина Станиславовна. Она вспоминала, что муж немного волновался, когда по телефону договаривался о встрече с П. Пономаренко, а записи после встреч делал очень серьёзно, будто бы готовясь к важному выступлению. Фрагменты документа в переводе на белорусский язык публиковал историк Е. И. Барановский в газете “Звязда” в июне 2001 года.

Вячеслав СЕЛЕМЕНЕВ, Виталь СКАЛАБАН

Истоки неприязни Хрущёва

1. Работая в конструкторском бюро (скорострельное оружие) и исполняя обязанности секретаря парторганизации (1936 г.), попал в поле зрения и был приглашён на работу в аппарат МГК¹, отказался, но вскоре был вызван в ЦК и утверждён инструктором (инспектором).

2. После присоединения Западных областей выступил против предложения Хрущёва о присоединении к Украине чуть ли не всей территории вплоть до Беловежской пуши. Сталин не поддержал Хрущёва, остро критиковал его за национализм, за то, что учится у националиста историка Грушевского² и других, отрицавших существование белорусской нации вообще (и что белорусами всегда в истории руководили Наливайки³, Небабы⁴ и др. украинские вожди).

Согласившись с доводами Хрущева о том, что на Украине нет лесов, Сталин будто бы по карте наметил отдать Украине часть территории в р-не Жабчицы (Брестская обл.), расположенной севернее естественной границы по линии р. Припять – р. Мухавец, хотя и в этом р-не, как оказалось, лесов не было, а было болото.

3. В скором времени после этого разбирательства Сталин срочно вызвал П. К. к себе и в присутствии ведущих украинских руководителей (Корнийца⁵, Коротченко⁶ и др., Корнейчука⁷, Сосюры⁸) без Хрущёва представил им П. К. как их руководителя. Однако через некоторое время вопрос этот отпал.

4. В начале войны, когда по предложению П. К. (записка Сталину) было решено создать ЦШПД⁹, Хрущёв намеревался при поддержке Берии назначить начальником близкого ему человека – уполномоченного НКВД по Украине. Сталин не согласился с этим и предложил П. К.

5. В начале войны созданные на Украине партизанские отряды возглавили (в ряде случаев) анархистские элементы (“батьки”), которые открыто отрицали руководящую роль партийного подполья и при этом пользовались поддержкой Хрущёва. По докладу по этому вопросу П. К. в ЦК Сталин устроил “головомойку” Хрущёву, напомнив ему его серьёзные колебания в прошлом (принадлежность Хрущёва к троцкистам).

6. После войны Берия и Хрущёв инспирировали проверку работы П. К. в Белоруссии, направив большую группу работников во главе с Зодионченко¹⁰ (друг Хрущёва), который обвинил П. К. во всех смертных грехах. Когда в Политбюро рассматривалось “дело” П. К. по докладу Зодионченко, П. К. отвёл обвинения, его объяснения вызвали гнев Сталина против проверявших и поддерживавших выводы бригады Зодионченко Хрущева и Берии. Особое возмущение у Сталина вызвало обвинение П. К. в том, что он распорядился раздать в личное пользование колхозников 200 тысяч коров, вывезенных в Белоруссию из Германии. П. К., объясняясь, аргументировал это решение тем, что в колхозах с разрушенным до основания хозяйством эти коровы погибли бы, не было ни одной общественной постройки, не было никаких запасов кормов в общественном хозяйстве. Коров раздали семьям погибших воинов и партизан, многодетным, где было кому ухаживать за коровами. Было поставлено условие каждой семье – вырастить телку и приплод от коров передать через год колхозу, который должен был подготовить всё необходимое для содержания общественного стада. Такое решение помогло и общественному хозяйству, и людям, которые спасли детей от недоедания в те годы. Сталин горячо поддержал это решение, обругал П. К. за то, что он не доложил ему о своём решении раньше, и снял весь вопрос о П. К. с обсуждения.

Взаимоотношения со Сталиным

Сталин всегда относился внимательно к П. К. и к его докладам и предложениям. Вообще, он уважал мнение, если оно аргументировано и отстаивается с настойчивостью. Сталин никогда не принимал решений, включая и решения о судьбе людей, сгоряча, он выслушивал людей.

Когда П. К. приехал в Белоруссию в 1938 г., пока знакомился с делами, в республике шли массовые аресты руководящего актива и творческой интел-

лигенции. Он, по его словам, ужаснулся, когда ему показали список репрессированных и подлежащих аресту людей, одобренный находившимся в то время в Белоруссии А. А. Андреевым¹¹.

П. К. срочно написал записку Сталину по этому вопросу и направил её. Через некоторое время он был вызван и с пристрастием допрошен лично Сталиным в присутствии Ежова¹². П. К. сумел доказать необоснованность и вредность репрессий в Белоруссии. Особенно воздействовало на Сталина то, что народные поэты Я. Купала и Я. Колас тоже внесены в списки как враги, подлежащие аресту. П. К. рассказал Сталину об этих народных поэтах и о других, в частности, об Александровиче¹³ (у которого в стихотворении-письме Сталину нашли, что в одном месте заглавные буквы трёх соседних строк по случайному совпадению образовали сочетание “вор”¹⁴). Сталин распорядился отменить репрессии в Белоруссии.

Во время войны Берия готовил арест П. К., используя следующие обстоятельства, складывавшиеся против него:

В Барановичской области действовало сплошное соединение поляков “аковцев” (Армия Крайова¹⁵), подчинявшихся правительству в Лондоне. Партизаны уличили этих поляков в том, что они воюют не столько против немцев, сколько против белорусов – грабят и убивают мирных людей, ликвидируют мелкие группы партизан, выходящие за пределы расположения своих бригад на диверсионные операции. Чернышев В. Е.¹⁶ доложил об этом по радио в ЦШПД – П. К. и попросил санкцию на физическое уничтожение этого подразделения “аковцев” как врагов. Об этом предложении узнал Берия, доложил Сталину и предложил отстранить П. К. и арестовать за вредное самоуправство.

Но П. К., получив радиogramму от Чернышева, никаких распоряжений не отдавал, а написал обо всём Сталину и вручил записку его помощнику Поскребышеву¹⁷. По докладу Берии Сталин срочно созвал Политбюро и вызвал П. К. с объяснениями. На заседании вопрос о П. К. был повернут таким образом, что он стремился поссорить нас с союзниками, которые заручились обещанием Сталина не допускать репрессий против антигитлеровских формирований поляков, подчинённых лондонскому правительству. Сталин был возмущён до крайности. Объяснения П. К. о том, что он никаких указаний Чернышеву не давал и самовольство не проявил, а доложил об этом запиской, не ослабило напряжения даже тогда, когда Сталин вызвал Поскребышева, который подтвердил, что записка П. К. у него и он намерен был о ней в тот день доложить Сталину. Выручило П. К. то, что он прихватил газету названного выше польского подразделения, издававшуюся на польском языке типографским способом регулярно. П. К. показал Сталину газету, обратив его внимание на то, что в номере над названием “Вольность и неподлежность” (“Свобода и независимость”) напечатано: “Гитлер и Сталин – убийцы поляков” и что этот эпиграф печатается из номера в номер, вроде того как в наших газетах и листовках всегда напечатан эпиграф “Смерть немецким оккупантам”. Просмотрев газету и убедившись в правоте П. К., Сталин закрыл заседание, ничего не сказав, попросил всех уйти, приказал вызвать к нему послов США и Англии и заявил им, что отныне СССР рассматривает “аковцев” не как союзников, а как врагов.

Мнение о ближайших соратниках

После проверки работы ЦК КП(б)Б бригадой Зодионченко (1947 год) на Минской городской партконференции (или на собрании актива), выступили с критикой в адрес П. К. Наталевич¹⁸, Авхимович¹⁹ и, кажется, Климов²⁰. Выступление Авхимовича охарактеризовал как лояльное и вообще о нём отозвался положительно. О Наталевиче говорил пренебрежительно, а о Климове с гневом [...]

Возмущался замечаниями Климова по рукописи своей книги (замечания не раскрыл) и вообще сказал, что все похвалили книгу (в том числе особенно украинцы). Самые плохие отзывы из Белоруссии, особенно из Истпарта БССР²¹. Реплика Веры Григорьевны²²: “Авхимович тоже плохо написал”. Плохо отозвался о Сурганове²³. Рассказал о случае, когда мы с Сургановым встретились с ним случайно в кулуарах в период заседания в Кремле (когда

была эта встреча, не сказал, но, видимо, в то время, когда я работал в Минске).

Поздоровались, поговорили о том о сём. Потом я пригласил его приехать в Белоруссию, а Сурганов промолчал.

[Далее П. К. сообщил:]

— Я ждал приглашения и от Сурганова, но он промолчал, и я понял, что он против моего приезда. Если бы он поддержал твоё приглашение, я тут бы приехал. Я очень хотел побывать в Минске. Но увидев отношение Сурганова, поблагодарил и не поехал.

П. К. о Машерове²⁴

Машеров пригласил меня, и я два раза был в Минске во время праздников освобождения Белоруссии. Внешне принимали хорошо, тепло (в это время реплика супруги Веры Георгиевны: “Тебя тепло, а меня поместили в особняке, поставили милицейский пост и никого ко мне не пустили и меня никуда не пригласили. Сама ушла пешком, походила по городу — красивый город”), но Машеров всё время держал подле себя, ничем не интересовался, ничего не спрашивал, бесперывно говорил сам, слова не дал вымолвить.

Будучи в Могилеве, я по пути в Оршу сказал об этом предоблисполкома. Видимо, дошло до Машерова. С тех пор он со мной не виделся и не разговаривал²⁵.

Из беседы с П. К. Пономаренко 8 августа 1983 г.

1. Об опыте работы на железнодорожном транспорте и о книге П. К. об электровозной тяге, которая стала учебником в железнодорожных вузах.

2. Важной и яркой страницей своей жизни считает приезд в Белоруссию в 1938 г. Прибыв, увидел страшную картину. Руководство МВД во главе с наркомом Наседкиным²⁶ чинили расправу над руководящими людьми по клеветническим доносам. Приступил к исполнению обязанностей он весной (или в начале лета), а в сентябре 1939 г. написал Сталину о том, что творится в Белоруссии. Несмотря на сопротивление Наседкина, он посетил тюрьму и беседовал с некоторыми арестованными. Вспоминает, как разговаривал с одним стариком, крестьянином из Плещеницкого района Минской области. Село, где он жил, было разделено границей с Польшей, но люди ходили через границу друг к другу в гости, так как были жителями одного села. Старика арестовали за то, что к нему ходили многие с той стороны. Когда П. К. спросил у старика, кто к нему приходил, тот сказал:

- Многие.
- И Пилсудский приходил?
- Приходил, — говорит.
- И Рыдз-Смиглы приходил?
- Приходил и этот, — говорит.

Этот анекдотический пример П. К. привёл в разговоре со Сталиным, когда тот прочитал его записку и вызвал в Москву. Сталин был возмущён, поставил записку на обсуждение Политбюро, и тогда было принято решение создать партийную комиссию во главе с Землячкой²⁷, которая разобралась бы с нарушениями законности в МВД СССР, а в Белоруссии это поручено было сделать П. К. лично. Сталин с горечью говорил ему, как бы оправдываясь, что различных ведомств много, руководителей не счесть. Люди на посты руководителей нередко попадают случайные, выслуживаются, а единое и единственное “ведомство” — партия — должна наблюдать за работой всех и не допускать нарушений. “Вы представляете, — говорил он, — силу, выше которой ничего нет. Вы можете в любое время поднять трубку телефона и сказать мне, с чем и с кем Вы не согласны. У Вас неограниченные полномочия”.

П. К., напутствованный такими словами, вернулся и лично занялся проверкой обоснованности репрессий. Он, по его словам, ужаснулся тому, что увидел. Организация была обезглавлена. Большинство руководителей республиканского и районного звена (тогда областей не было) были репрессированы. Почти не осталось на свободе никого из творческой интеллигенции.

Например, поэта Александровича арестовали и расстреляли за то, что в стихотворном послании Сталину в период Декады белорусского искусства в Москве чекисты по заглавным буквам прочитали слово “вор”. Это случайное сочетание букв приняли за выпад против вождя и тут же ликвидировали талантливого поэта.

В результате расследования подобных дел было освобождено более 3 тысяч человек.

Были арестованы и расстреляны руководители МВД Белоруссии во главе с Наседкиным. Эту акцию осуществили по указанию П. К. пограничники.

Вскоре был смещен и Ежов. П. К., по его словам, говорил Сталину: “Непонятно, почему у нас в стране пролетарский меч после благороднейших людей-революционеров Дзержинского и Менжинского попал в руки авантюристов: Ягоды, Ежова и других?”

3. П. К. вернулся к первой беседе, когда он рассказывал о создании ЦШПД. Берия всеми силами старался препятствовать этому, пренебрежительно заявляя, что “мужики в лаптях не могут осуществлять диверсии в тылу врага. Для этого существуют квалифицированные органы и силы государственной безопасности”. Но Сталин, несмотря на поддержку в этом деле Берии со стороны других членов Политбюро, поддержал соображения П. К.

Однако вначале была допущена ошибка в организации дела. Партизанский штаб был создан, но был учреждён пост командующего партизанскими силами, и на этот пост был назначен Ворошилов, а он с собой привёл много генералов-штабников, которые знали военное дело, но не разбирались в том, что такое народная война. Эти военные, как и подобает военным, тут же взялись за планирование всякого рода партизанских операций и руководство всеми отрядами из Центра. Это было абсурдом. Писались и отдавались директивы и приказы, но их некому было выполнять. П. К. пробовал вмешаться в эту практику, но встретил сопротивление. Возник конфликт между ним и Ворошиловым.

Вопрос был внесён на обсуждение Политбюро. В подтверждение своих концепций в руководстве партизанским движением (полная инициатива партизанских отрядов и оказание помощи со стороны ЦШПД) П. К. привёл свежий пример, как смоленские партизаны полностью уничтожили до 70 немецких лётчиков и несколько десятков самолётов, разгромив воинский эшелон. Никаких приказов они не имели и никто ими не командовал. Берия и на этом заседании вмешался и сказал: “Если два ответственных руководителя не могут сработать, надо обоих снять”. Тогда Сталин сказал: “Тогда придется снять и третьего”. – “Кого же?” – спросил Берия. “Тебя”, – ответил Сталин. П. К. вновь получил поддержку. Пост главнокомандующего партизанскими силами был упразднён, а П. К. получил большие полномочия по налаживанию работы ЦШПД.

4. Отвечая на вопрос, почему М. В. Зимянин²⁸ в энциклопедическом военном словаре числится членом подпольного ЦК КП(б)Б, ведь такого органа не было, П. К. сказал, что это сделано, чтобы представить его (М. В. Зимянина) большим деятелем.

Вопрос этот запутали в Институте истории партии Белоруссии. История этого вопроса выглядит так: когда украинцы создали подпольный ЦК, Малин²⁹, который любил порядок во всём и стремился всё уравнивать, внёс предложение о создании подпольного ЦК партии Белоруссии. Зная, что создание ЦК в подполье рискованно и невозможно, П. К., по его словам, прокорректировал предложенный список товарищей, в котором был и М. В. Зимянин. И он был одобрен как группа по оперативной работе в тылу врага. Некоторые из этих людей находились в тылу (Королёв³⁰), другие, как Ганенко³¹, вылетали в тыл, но это не был подпольный ЦК.

5. Говоря о том, что многие люди, и не только бывшие партизаны, пишут и звонят ему, обращаются с просьбами, приходят даже письма из Комитета ветеранов войны, П. К. отметил, что некоторые близкие к нему в прошлом забыли (Абрасимов³² и Зимянин). Абрасимов на днях приехал, одарил улыбками, целовал и плакал, а раньше, часто бывая в Москве и зная состояние его здоровья и горе в семье (трагическая смерть любимого зятя (внука), ни разу не позвонил. При этом П. К. с возмущением говорил о книжке Абрасимова, которую написал ему Юлиан Семёнов³³, охарактеризовав её хвастливой “бредятиной”. При этом вспомнил, как ещё до войны ему представили Абрасимо-

ва в связи с предложением об утверждении его председателем Комитета физкультуры республики.

Я спросил у него, каким видом спорта он занимался сам. Он ответил, что лёгкой атлетикой.

– Кто же вы, спринтер или стайер?

– Спринтер, – говорит.

– А за сколько секунд вам удаётся пробежать 100 метров?

– За 6 секунд, – ответил он.

Тогда я поздравил его, заметив, что мировой рекорд принадлежит человеку, который пробежал 100 метров только за 10,3 секунды. Это не смутило Абрасимова. Но мы его тогда не утвердили на пост руководителя физкультурников.

– Человек он расторопный, но и его пришлось учить – продолжал далее П. К. – Он работал моим помощником. Однажды, когда у меня сидел Дед Талаш, я попросил Абрасимова проинформировать, как обстоит дело с доставкой взрывчатки партизанам. Это было в период подготовки к “рельсовой войне”. Абрасимов зашёл и доложил, что отправлено 270 самолетов. Тогда я спросил: а сколько они увезли взрывчатки? Абрасимов попросил уточнить и вышел. Возвратившись, он назвал цифру. Тогда я спросил: а куда самолеты вылетели? Абрасимов обещал выяснить и доложить на схеме. В это время Дед Талаш, обозленный, вскочил и сказал: “Дал бы ты ему по морде, так он бы знал, а то бегают, бегают выяснять у других”. Тогда я рассказал Абрасимову притчу о том, как помещик учил своего управляющего.

П. К. пожалел, что он не представил Талаша к званию Героя Советского Союза.

Разговор вновь вернулся к книге, которую, как он отметил с гордостью, написал сам, без чьей бы то ни было помощи, и с возмущением сказал об отзыве на неё Мачульского³⁴ [...]

Особенное возмущение высказал он о том, что Мачульский в своей книге его, П. К., мысли о “рельсовой войне”, рассказанные Мачульскому в своё время, представляет как свои.

6. Как-то разговор коснулся Хрущёва и его отношения к Белоруссии и белорусам. Он рассказал, как однажды, отдыхая в Крыму, был приглашён на обед к Хрущёву в...³⁵ На обеде присутствовали друзья: Гомулка, Ульбрихт и др. Из наших были Микоян, Кириленко и др. Это был пир, превратившийся в разгул. Хрущёв напился. Микоян всё время его “накачивал” армянским коньяком. Вёл себя Хрущёв омерзительно. Все говорили тосты. Когда кто-то сказал тост за Гомулку, Хрущёв демонстративно бросил бокал под стол и крикнул, что за него и его здоровье пить не будет. Был скандал. Гомулка демонстративно покинул компанию. Разгул от этого не прекратился, продолжался. Участники и пели, и танцевали. Особенно усердствовали Микоян и Кириленко. На следующий день Хрущёв приехал к П. К. и попросил съездить к Гомулке и успокоить его, сгладить конфликт. П. К. выполнил эту неприятную миссию. Это было в то время, когда П. К. вернулся из Польши с поста посла. П. К. сказал, что в том разговоре Хрущёв советовался с ним: кого выдвинуть секретарём ЦК КПБ – Абрасимова или Зимянина.

Вот как, оказывается, обстояло дело (на пост первого секретаря ЦК КПБ, оказывается, обсуждалась не только моя кандидатура).

**Публикация и комментарии Вячеслава СЕЛЕМЕНЕВА,
Виталья СКАЛАБАНА.**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Московский горком ВКП(б).
2. Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), украинский историк.
3. Наливайко Северин (?–1597), казачий атаман.
4. Небаба Мартын (?–1651), украинский военный политический деятель, сподвижник Б. Хмельницкого.
5. Корниец Леонид Романович (1901–1969), государственный деятель УССР.
6. Коротченко Демьян Сергеевич (1894–1969), государственный деятель УССР.

7. Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972), писатель, государственный деятель УССР.
8. Сосюра Владимир Николаевич (1898–1965), украинский поэт.
9. Центральный штаб партизанского движения.
10. Зодионченко Семён Борисович (1898–1972), партийный деятель, в 1946–1948 инспектор ЦК ВКП(б).
11. Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), партийный деятель, в 1935–1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б).
12. Ежов Николай Иванович (1895–1940), в 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР.
13. Александрович Андрей Иванович (1906–1963), белорусский поэт.
14. Имеется в виду известная история с акrostихом А. Александровича, где читалось “худая вша”. См.: Рублевская Л., Скалабан В. Буря и пена // Советская Белоруссия. 2006, 20 мая.
15. В 1942–1945 гг. действовала под руководством польского эмигрантского правительства в оккупированной фашистской Польше.
16. Чернышев Василий Ефимович (1908–1969), партийный и государственный деятель, командир Барановичского партизанского соединения.
17. Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965), партийный деятель, личный секретарь И. В. Сталина.
18. Наталевиц Никифор Яковлевич (1900–1964), председатель Президиума Верховного Совета БССР (1938–1948).
19. Авхимович Николай Ефремович (1907–1996), государственный и партийный деятель БССР.
20. Климов Иван Фролович (1903–1991), государственный и партийный деятель БССР.
21. Имеется в виду Институт истории партии при ЦК Компартии Белоруссии.
22. Вера Георгиевна Пономаренко, жена П. К. Пономаренко.
23. Сурганов Федор Анисимович (1911–1976), государственный и партийный деятель БССР.
24. Машеров Пётр Миронович (1918–1980), партийный деятель БССР.
25. Далее в блокноте помещена запись о книге канадского учёного Г. Селье: “Мысли, навеянные книгой Селье “Стресс без дистресса”. Селье – великий учёный биолог (Канада), который дал научное понятие стресса, биологически обосновал его на клеточном уровне и на организме в целом. Его выводы оригинальны, а объяснения тонких биохимических процессов в организме человека просты и понятны. Трудно согласиться, однако, с тем, что отношения людей в обществе и отношения самих человеческих обществ, как утверждает Селье, подчиняются тем же законам, что и отношения на межклеточном уровне. Правда, не лишены оригинальности и справедливости утверждения Селье о цели, смысле жизни и о взаимосвязанности цели и средств к её достижению (стр. 84–85). (Проанализировать рассуждения Селье по этому поводу на собственном примере.)”.
26. Наседкин Алексей Алексеевич (1897–1940), в 1938-м народный комиссар внутренних дел БССР.
27. Землячка Розалия Самойловна (1876–1947), партийный и государственный деятель СССР.
28. Зимянин Михаил Васильевич (1914–1995), партийный и государственный деятель БССР.
29. Малин Владимир Никифорович (1906–1982), партийный деятель СССР.
30. Королёв Николай Филиппович (1906–1972), один из руководителей партизанского движения в Могилёвской области.
31. Ганенко Иван Петрович (1903–1995), партийный деятель БССР.
32. Абрахимов Пётр Андреевич (1912–2009), партийный и государственный деятель СССР, дипломат.
33. Семёнов Юлиан Семёнович (1931–1993), писатель.
34. Мачульский Роман Наумович (1903–1990), один из руководителей партизанского движения в Минской области.
35. Одно слово не прочитано.